

ГИБНУЩІЯ СИЛЫ.

Сергій Александрович Срѣтенскій. («Недѣля», 1882 г., № 24, «Сибирь», 1880 г., № 9).

«Немного литературныхъ, еще меньше общественныхъ дѣятелей и самый ничтожный процентъ «идейныхъ» борцовъ представляетъ сибирская интеллигентная среда. Подавленная произволомъ, отдаленная отъ центровъ умственного движенія, лишенная органовъ свободнаго обмѣна мысли, она не могла создать и не создала ничего самостоятельнаго въ смыслѣ общественномъ и умственномъ». Но и здѣсь общая струя высокочеловѣчныхъ стремленій пробиваетъ себѣ дорогу, напоминая, что существуютъ и здѣсь потребности духовной и гражданской жизни, воплѣвъ возможныя при условіяхъ сибирской нормальной самодѣятельности. Такъ начинается одинъ авторъ воспоминанія о недавно умершемъ сибирскомъ писателѣ, помѣщая черты изъ его біографіи въ «Недѣлѣ». Біографія эта и самое положеніе лица имѣетъ много поучительнаго и драматическаго, рисуя положеніе края и общества въ данный моментъ его существованія.

Въ сибирской деревнѣ, въ глуши, въ с. Николаевскомъ, Ачинскаго округа, появляется писатель того же типа, какъ и Помяловскій, съ тѣми же стремленіями, съ тою же богатою натурою, съ тою же мучительною жаждою социально-психическаго анализа, обращеннаго только къ другой окружающей его средѣ. Судьбу этого писателя стоитъ прослѣдить. Что это былъ типъ аналогичный Помяловскому, доказываетъ его біографія и даже происхожденіе. Сергій Александровичъ Срѣтенскій былъ также семинаристъ, окончившій курсъ въ томской семинаріи, пробывшій учителемъ сначала въ духовномъ училищѣ, а потомъ, по желанію родителей, поступившій въ священники и поселившійся въ бѣдномъ сибирскомъ селѣ. Литературное призваніе его и дарованіе проявились также на школьной скамьѣ. Вотъ что онъ говоритъ о началѣ призванія въ письмѣ къ своему другу: «На семинарской скамьѣ я написалъ «Бурсака» и ревниво хранилъ его даже отъ товарищей, а Помяловскій выступилъ въ свѣтъ съ своими «Очерками Бурсы» и привлекъ общее вниманіе. Безспорно, мой «Бурсакъ» несравненно ниже, по художественной обработкѣ, очерковъ Помяловскаго, но кто знаетъ, можетъ быть и Помяловскимъ руководила опытная въ литературной работѣ рука». «Что, если бы для меня въ то время нашлась поддержка?» продолжаетъ онъ исповѣдь. «Можетъ быть, съ семинарской скамьи, мнѣ пришлось бы стать въ ряды писателей, а вѣдь «лиха бѣда начало». Таковы условія, среди которыхъ зарождался талантъ; онъ отличается крайнею робостью, сомнѣніями въ своихъ силахъ, отсутствіемъ поддержки, и это составляетъ мучительную сторону его субъективной жизни. Но талантъ и призваніе такъ были сильны, что они не могли заглухнуть и все-таки вырвались наружу. Пропавшій даромъ «Бурсакъ», рассказываетъ онъ въ томъ же письмѣ, «не обезкуражилъ меня; поступивъ учителемъ, я применилъ къ «Искрѣ» и доставлялъ кое-какіе матеріалы къ «Хроникѣ прогресса»; въ концѣ-концовъ, редакція поручила мнѣ «Сказки русской Шехерезады». Но это завидное порученіе застало меня уже поступившимъ на мѣсто и забившимся въ глушь. Остальное извѣстно тебѣ».

Посмотримъ, въ какую же среду попадаетъ этотъ развѣтывающійся талантъ. «Среда эта дѣйствительно была глухая, говоритъ біографъ. Сосѣдніе деревенскіе священники, знающіе только свои акаѳисты; полицейская власть, видящая въ сельскомъ священникѣ лицо подначальное; сельская власть, дающая на каждомъ шагѣ понимать, что пошъ зависитъ отъ міра, а міръ отъ нея; самъ сельскій міръ, не раздѣляющій представителей церкви отъ молиціи; сельскіе педагоги, полные всякихъ дразгъ, вотъ какова была эта среда». Начинается двойной психическій анализъ въ душѣ и за себя, и за среду. Это сочетаніе индивидуальнаго и общественнаго недуга изнуриетъ организмъ, измучиваетъ, подтачиваетъ силы, онъ мѣшаетъ работѣ, останавливаетъ смѣлый полѣтъ, создаетъ невыразимыя душевныя муки и въ концѣ—смерть!

Вотъ результатъ этихъ субъективныхъ страданій. «Куда бѣжать?» обыкновенно говорилъ покойный... «Я связанъ и семинарскимъ воспитаніемъ, и отцовскимъ деспотизмомъ, приневолившимъ меня надѣть рясу, и брачнымъ союзомъ, и тѣмъ подножнымъ кормомъ, который даетъ мнѣ возможность по крайней мѣрѣ не умереть съ голоду. Связанъ я наконецъ и закономъ, который какъ-бы боится дозволить кому вступить на свѣтскій путь».

«Скучно какъ-то, другъ мой, живется,—писалъ онъ въ октябрѣ 1876 г., такъ скучно, что мочи нѣтъ. Ни одного живого человѣка кругомъ, ни одного душевнаго слова не промолвишь по цѣлымъ недѣлямъ».

Я жить хочу, хочу печали...

«но—все обманъ, обманъ! Обманъ самого себя! Когда помотришь въ самаго себя, то съ ужасомъ видишь, что уже началъ разрушаться, и никакая сила не остановитъ этого разрушенія... Убийственное сознаніе!.. А прошлое? Чѣмъ оно красно? Это рядъ ошибокъ и увлеченій, длинная вереница лѣтъ, прожитыхъ бесполезно и бесплодно. Надежда на будущее?.. По вѣдь будущее съ неба не сваливается: его необходимо приготовить... И тѣмъ страшнѣе подобная апатія, чѣмъ больше сознаешь въ себѣ силы, которая позволила бы тебѣ сказать не одно хорошее слово добрымъ людямъ, если бы...»

Лишь шагъ одинъ, что нуженъ вдругъ!

Межъ тѣмъ осилилъ насъ всецѣло

Паралитическій недугъ...

«Чтобъ избавиться отъ этого недуга, намъ нужна поддержка». (Недѣля № 24) Этой поддержки ищетъ долго душа писателя, сомнѣвающегося въ своихъ силахъ, хотя эти силы несомнѣнны; она ищетъ ихъ и не находитъ. Вмѣсто того, чтобы гордо выступить на борьбу и смѣло взяться за дѣло, его все еще мучаютъ сомнѣнія. Чрезъ годъ онъ пишетъ тому же другу, въ 1877 году: «Боже мой, Боже мой, что это дѣлается! И гдѣ исходъ, гдѣ конецъ борьбы съ самимъ собою? Я вѣрю, что у тебя не поднимется рука бросить въ меня камень; предоставь это другимъ: найдутся, милый мой... а ты—»

Ты не кори меня горемъ-злосчастіемъ,

А подари лучше теплымъ участіемъ.

«Все, мой дорогой, хорошо, можно бы работать, пожалуй,

и силы и здоровья еще хватило бы, да одно скверно: что работать-то приходится одному,

Подъ бурю, тьмой окруженному,
Безъ опоры, безъ слова участія.

«Неужели во мнѣ есть литературный талант? Плохо какъ-то вѣрится, потому что рядомъ съ этимъ счастьемъ «горе-злосчастіе» глядитъ черезъ мое плечо во время работы и съ тѣкою пронику нашептываетъ слова Фауста:

Мой Богъ, со мною еущій, онъ во мнѣ
Глубоко начерталъ свое благоволеніе
И онъ-же, силъ моихъ владыко, онъ извѣстъ
Мнѣ не пошлетъ крупницы утѣшенія!

«Личный трудъ, личный починъ—больше не на что рассчитывать! Но куда дѣвать это горькое сознаніе—что и индивидуальное, субъективное «утѣшеніе» не существуетъ?.. И вновь разочарованіе!.. Долго-ли, трудно-ли, кажется:

Все впередъ да впередъ понемногу
Изъ глуши, изъ лѣсовъ, изъ пустынь,
И нашелъ—проложилъ путь-дорогу:
Впередъ одна свѣтлая синь...»

Но этой «свѣтлой сини» не удалось увидѣть писателю. Несмотря на то, что онъ нашелъ выходъ, что блестящіе очерки народной жизни нарождаются изъ-подъ пера его, что наступилъ конецъ мучительному сомнѣнію въ своихъ силахъ, что субъективное нравственное удовлетвореніе найдено, но по мѣрѣ того, какъ открылась возможность работать для своей родины, въ душѣ идетъ новый шквалъ, это анализъ общественнаго недуга, гораздо болѣе страшнаго, чѣмъ субъективный анализъ. Въ этомъ психическомъ процессѣ отражается черта настоящаго крупнаго таланта. Имъ страдаютъ и Помяловскій и Срѣтенскій. Этотъ недугъ придаетъ имъ солидарность на разныхъ полюсахъ отечества, открывая одинаковыя условія соціальной среды, одинаковое исканіе выхода. Повидимому, это двѣ разныя среды, двѣ разныя натуры, другъ на друга непохожія. Одинъ, могучая, атлетическая натура, бурсакъ, силачъ, ведущій бурную жизнь и борьбу, другой, впечатлительная, нѣжная натура, съ впалою грудью, съ выдающимися отъ худобы скулами, съ острымъ очертаніемъ блѣдныхъ, малокровныхъ губъ, въ косичкахъ, въ подрясницѣ, въ должности сельскаго священника, страдалецъ скромнаго и святаго образа жизни; одинъ разорвавшій съ своимъ прошлымъ, съ средою, другой, связанный съ этою средою неразрывно и послушно умирающій въ ней. Предъ однимъ былъ міръ столицы, городская жизнь русскаго общества, интеллигентные кружки, предъ другимъ деревня съ ея крестьянской средой, съ ея блѣдною жизнью. Предъ однимъ прогрессирующее отечество, предъ другимъ несчастная и забытая его родина. И тѣмъ не менѣе, одинъ и тотъ же психическій процессъ, одинъ и тотъ же смертельный недугъ гложетъ ихъ и губитъ силы. Оба художники по призванію, оба психологи и анатомы общественной жизни; отъ наблюденій за индивидуальнымъ несчастіемъ отдѣльных лицъ, они переходятъ къ сложному механизму общественной жизни, къ цѣлымъ типамъ, къ судьбѣ сословій, къ неразрѣшимымъ загадкамъ и цѣлямъ соціальной жизни. Какъ предъ Помяловскимъ открывается міръ городского пролетаріата, рисуются его мучительные образы, терзаютъ его внутренній міръ, не даютъ покоя и открываютъ общую соціальную язву, которая заставляетъ писателя невыразимо страдать за все общество, такъ предъ другимъ открывается міръ крестьянства

и міръ народнаго горя, онъ также болѣзненно слѣдитъ за своими героями, открываетъ страшныя условія жизни, видитъ гибель своихъ героевъ, и въ немъ зарождается тотъ же соціальный анализъ, исканіе причинъ; онъ задумывается надъ средою, надъ цѣлымъ строемъ вещей, возвышаясь до писателя общественнаго. Этотъ процессъ пережитыхъ и воплощенныхъ общихъ горестей, выношенныхъ въ душѣ индивидуальныхъ несчастій, дума за прошлое, думы надъ будущимъ, не проходятъ даромъ ни для какого сильнаго организма. Вѣдь нужно не только перемучиться и перечувствовать, но и десять разъ воскресить въ душѣ эти страданія, разбредить ихъ, облить ихъ горькими слезами и показать ихъ обществу. Одинъ, снѣдаемый этими ощущеніями, разстроенный, изнервованный, рветъ и мечетъ, не находя выхода для своихъ общественныхъ идеаловъ, онъ ищетъ забвенія и титаническая натура его жаждетъ сильныхъ ощущеній. Другой, замкнутый въ себѣ, скромный и тихій, сдерживается, ноетъ внутри себя и ждетъ, пока злой недугъ источитъ его грудь и исхудалое тѣло, чахотка приближалась! Гибель Помяловскаго, критика враждебная направленію молодыхъ писателей 60-хъ годовъ объясняла грубой натурой, бурсацкой привычкою и разнузданностью въ жизни. Она старалась затереть въ немъ его благородный человѣческій образъ, его страдающую душу и загородить ту идею, которая составляла блескъ его жизни.

Но вотъ передъ нами священникъ съ безупречною жизнью, которому Ѳ. М. Достоевскій могъ посвятить лучшія страницы, предъ нравственной чистотой котораго никто не смѣетъ сказать упрека. И тѣмъ не менѣе, нашелъ ли онъ искомый выходъ, нашелъ ли нравственное удовлетвореніе?.. Если Помяловскій не находилъ душевнаго покоя и удовлетворенія своему идеалу въ столицѣ, въ сердцѣ русскаго общества, что же сказать про человѣка, ставшаго лицомъ къ лицу съ обездоленною народною средою, въ глуши крестьянскихъ деревень! Его положеніе трагическое! Мы видимъ, что скромный священникъ, писатель по призванію, мучится и ищетъ дорогу, выходъ своей общественной дѣятельности. Онъ понималъ, что не скромная сельская кафедра, исполненіе требъ и проповѣдь о смиреніи и покорности нужна здѣсь. Нѣтъ, нужна была еще другая проповѣдь, проповѣдь общественная, къ которой призванъ писатель. Она должна подвигать, воодушевить общество и указать ему его язвы. Это высшее призваніе было найдено, а съ нимъ наступало и нравственное удовлетвореніе выполненія долга. Нарождалась мѣстная печать. Вотъ что рассказываетъ біографъ о литературной дѣятельности сибирскаго Помяловскаго: «Когда началось изданіе газеты «Сибирь, С. А. ожилъ. Предположеніямъ его и восторженнымъ привѣтствіямъ не было конца. Вскорѣ онъ сдѣлался постояннымъ и виднымъ сотрудникомъ газеты, хотя, работая въ теченіи семи слишкомъ лѣтъ, не получалъ гонорара... Однако и на этомъ пути дѣятельности С. А. приходилось испытывать горькія разочарованія: лучшія статьи его, посвященныя мѣстному управленію и экономическимъ вопросамъ, остались непропущенными иркутской цензурой. Отсылка же ихъ въ то время (1875—1877 г.) въ столичныя газеты была болѣе, чѣмъ неудобна: онѣ были чисто мѣстнаго характера. Сергѣй Александровичъ хотя и говорилъ: «Прежде всего—общность интересовъ, общее, нераздѣльное противодѣйствіе вражьиимъ силамъ, а затѣмъ—вопросы мѣстные»—но вопреки теоріи, онъ всецѣло посвятилъ себя мѣстнымъ

интересамъ. «Въ столицахъ свои витіи и апостолы,—обыкновенно говорилъ онъ,—поработаемъ и въ нашихъ мизерныхъ газеткахъ!» И онъ работалъ, не получая за трудъ ничего, работалъ несмотря на то, что половина его статей не пропусклась цензурой въ печать. Зато нужно было видѣть, какая радость, какое торжество наполняли все существо покойнаго, когда ему удавалось проводить въ газетѣ ту или другую выработанную имъ мысль... «Не погибла напрасно: рано или поздно принесетъ свой плодъ!»—съ дѣтскою, чисто вѣрою восклицалъ онъ. Несмотря на все огорченія, это было единственное наслажденіе его жизни. «Редакція требуетъ статей. Я счастливъ, безконечно счастливъ!»—пишетъ онъ 30 апрѣля 1877 г. Последнимъ изъ зрѣлыхъ его произведеній были «Сибирскіе мученики»—«одно изъ лучшихъ и глубоко обдуманыхъ произведеній С. А. Первая глава начинается описаніемъ глухого сибирскаго села—того самаго, гдѣ служилъ покойный священникомъ—и нѣсколькихъ крестьянскихъ семей, изъ которыхъ онъ и беретъ своихъ «мучениковъ». Семьи эти возмущены въ своей тихой жизни хвастливымъ разсказомъ одного поселенца, вернушагося съ пріисковой операціи, о легкости наживы черезъ пріисковый трудъ и о прелестяхъ такого труда. И вотъ, увлеченный блестящей перспективой, довѣрившійся сказкамъ поселенца семьи, отрываются отъ кормилицы-земли и идутъ въ вольную каторгу. Тутъ авторъ знакомитъ съ промысловымъ бытомъ, живыми красками изображаетъ сибирскаго рабочаго, обогащающаго цѣною тяжкихъ страданій и даже жизни сибирскаго золотопромышленника, изображаетъ всю гадость кулачества послѣдняго, весь произволъ мѣстной администраціи и т. д. Въ заключеніе описывается гибель всѣхъ этихъ героевъ—«мучениковъ» и разореніе ихъ семействъ». Здѣсь, какъ видно, авторъ стремился вложить свою душу и показать всю глубину крестьянскихъ несчастій. Очерку этому не суждено было увидѣть свѣтъ. Болѣзнь сломила его. «Куда дѣвались все его рукописи, пишетъ его товарищъ,—намъ неизвѣстно; по всей вѣроятности они погибли, благодаря усердію мѣстнаго исправника, подвергнувшаго ихъ опечатанію и пересмотру» (sic!) (Недѣля № 24).

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь тяжелую судьбу мѣстнаго писателя и тѣ причины, которыя не позволили ему развернуться и принести пользу. Лишь только онъ нашелъ выходъ и хотѣлъ нарисовать правдивую картину мѣстнаго быта, выставить вопіющія нужды населенія, мѣстная цензура загородила ему дорогу. И чья же это была цензура? Цензура тѣхъ исправниковъ, произведенныхъ въ цензора, которые обирали народъ, которые дѣйствуютъ въ стачкѣ съ кулаками, составляющими язву края. Слова священника, нравственной личности писателя, гражданина, любящаго свой край, не заслуживали въ этомъ краѣ довѣрія и авторитета, а слова взяточниковъ являются достойнѣе. И это не единственный примѣръ. Священникъ Адриановъ, въ Курганскомъ округѣ, въ 60-хъ годахъ, когда началась продажа крестьянскихъ земель, сталъ на сторону крестьянства; онъ доказывалъ, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ это хищеніе, но статьи его, посланные въ мѣстныя губернскія вѣдомости, не были пропущены, а черезъ 20 лѣтъ мѣра эта была признана пагубной и отменена. Такъ дѣла идутъ въ Сибири. До сихъ поръ въ губернскихъ вѣдомостяхъ надо лѣстить мелкому губернскому самолюбію, восхвалять разныхъ губернскихъ за-

тѣи, хвалить исправниковъ, но нѣтъ мѣста честному голосу, поэтому въ губернскихъ вѣдомостяхъ находятъ мѣсто льстецы, повѣтчики и приживалки, но не писатели. За то горе частной печати въ Сибири! Газета, гдѣ нашелъ мѣсто Срѣтенскій, была выразительницей мѣстной жизни, она уже росла, оперялась, находила сотрудниковъ, подписчики ея увеличивались до 1,000 и она уже могла платить гонораръ своимъ труженикамъ, но на нее сыпались удары за ударомъ. Мѣстные просвѣтителіи ничего не пропускали за то, что въ газетѣ не хвалили исправниковъ. Наконецъ, мѣстные «просвѣтителіи» доканали мѣстную печать. Обѣ частныя газеты въ Сибири, какъ извѣстно, обезличены, уничтожены. А между тѣмъ, только въ этой частной печати и могли выразиться лучшія силы общества. Здѣсь могли развернуться таланты, подобные Срѣтенскому. Сибирское общество нуждается уже не только въ газетахъ, но, какъ видно по нарождающимся силамъ, даже въ журналистикѣ. И это не фиктивная, а дѣйствительная потребность. Она стоитъ жизни писателямъ!

Напрасно стали бы увѣрять, что мѣстные литературныя силы, какъ С. А. Срѣтенскій, могли бы найти мѣсто въ столичной журналистикѣ. Это не такъ. Во-первыхъ, столица не можетъ сосредоточить все провинціальныя силы, во-вторыхъ, силы эти, потерявъ мѣстный колоритъ, жаръ сердца, превратятся въ подѣвщиковъ, нивелированныхъ и обезличенныхъ столичной печатью, только погибли бы. Судьба такихъ лицъ, какъ Куцевскій, незавидна.

Наконецъ, такіе люди, какъ Срѣтенскій, слишкомъ любятъ свою родину. «Въ столицахъ свои витіи и апостолы, поработаемъ въ своихъ мизерныхъ уголкахъ», говоритъ онъ. «Любовь къ Сибири доходила въ немъ до экзальтаціи», говоритъ другой біографъ въ его некрологѣ. Плодомъ этого чувства вырывается у него глубоко прочувствованное стихотвореніе:

Вѣчно томимый завѣтной кручиною,
Грустно стою предъ родимой картиною...
Робкое сердце тревожно стучитъ;
Каркнетъ ли воронъ, въюга-ль гудитъ—
Чувствую такъ больно, и мысль подавляется,
Словно, весь міръ умирать собирается.
Вотъ они, грозно-тяжелые дни!
Медленно, страшно проходятъ они,
Точно надъ степью раздольно суровою,
Туча за тучею массой свинцовою;
Даль непроглядная мутно-темна...
Что-то въ грядущемъ готовить она!
Бѣдная родина, съ бѣдной природою!
Ты ли кичишься просторомъ—свободою!
Ты ли гордишься безъ края тайгой,
Степью раздольной и рѣкъ глубиной?
Знаю, сильна ты своими предѣлами;
Выси твои съ очертаньями смѣлыми,
Снѣжными шапками въ небо ушли,—
Нѣту богаче и шире земли!
Но, Расскажи-жь, безпривѣтно-холодная,
Гдѣ твоя нива завѣтно-свободная?
Или въ твоей перемерзлой груди
Зрѣетъ она и взрастетъ впереди?
...
...
... *)
Жду я отвѣта, родная земля!
Но, безотвѣтны пустыя поля...

*) Иркутская цензура вырвала здѣсь кусокъ изъ сердца поэта.

Это стихотвореніе показываетъ вѣру въ грядущее, вѣру въ возрожденіе, такъ же, какъ и скорбь за настоящее. Такіе люди не оставляютъ родину, а раздѣляютъ ее жребій. Они не промѣняютъ ее на почести и славу. Ихъ судьба связана съ судьбою народа. Если они умираютъ, то умираютъ на своемъ посту, въ своей горькой судьбѣ и несчастіи, служа примѣромъ гражданской доблести, указывая дорогу мѣстному служенію и являясь великимъ предвѣстіемъ зарождающагося самосознанія народнаго. Ихъ пора еще не наступила, но должна наступить, когда начнется возрожденіе на мѣстной почвѣ. Это гибнущія силы, но въ нихъ лежитъ и залогъ грядущаго обновленія.

Молодой Сибирякъ.

ціи въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Вслѣдствіе тревоги, произведенной англійскими маневрами, положеніе европейцевъ въ Александріи вновь сдѣлалось опаснымъ, магазины заперты, европейцы уѣзжаютъ, проявляются угрожающіе признаки новаго движенія, съ часа на часъ можно ждать катастрофы.

— Англія, несмотря на встрѣченный протестъ со стороны конференціи, надѣется отстоять свое предложеніе и готовится къ десанту въ Египтъ. А между тѣмъ изъ состава сухопутной арміи, для операцій въ Египтъ, въ распоряженіи Англіи имѣется только одинъ 1-й армейскій корпусъ численностію въ 20.000 человѣкъ, да 7000 — 8000 человѣкъ морской пѣхоты и артилеріи. Тогда какъ Араби-паша располагаетъ арміею въ 70.000 человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ; кромѣ того у него есть опорные пункты, Александрія и Берражъ. Подъемъ духа египетскихъ войскъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, а потому Англіи нужно имѣть въ виду кампанію, а не экспедицію. Впрочемъ, по мнѣнію многихъ